

Рецензия на статью: Лушин В.Г. Легенда о призвании варягов и её главный герой // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Книга I. – Зимовники, 2017. С. 100-120.

И снова о Рюрике, пришедшем «из-за моря»

Рецензия на статью: Лушин В.Г. Легенда о призвании варягов и её главный герой // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Книга I. – Зимовники, 2017. С. 100-120.

В последнее время все большее число историков и археологов готово принять гипотезу о тождестве первого князя Руси Рюрика и выдающегося вождя норманнов Рёрика Фрисландского. Статьи с опровержениями данной гипотезы давно не появлялись в печати. И вот опубликована объемная и очень интересная работа В.Г. Лушина, в которой сделана в очередной раз попытка путем детального разбора доводов сторонников данной гипотезы ее опровергнуть. Годом ранее автор изложил примерно ту же аргументацию в статье «Рюрик» [Лушин 2016]. Настоящая статья легко читается и написана простым и ясным языком, с четкими формулировками основных положений автора, что, несомненно, нужно отнести к достоинствам данной статьи.

Следует признать, что высказанные автором статьи соображения при первом прочтении настолько серьезны и внешне убедительны, что требуют такого же детального анализа и разбора.

Автор статьи начинает с того, что вслед за антинорманистом В.В. Фоминым [Фомин 1995, 2003], хотя и не ссылаясь на него, утверждает, что Рюрик прибыл не «из-за моря», а «из заморья» (с. 100). В.В. Фомину такое прочтение было нужно, чтобы вывести Рюрика не из Скандинавии, расположенной «за морем», а с южного берега Балтики. Лушину оно нужно, чтобы подчеркнуть неопределенность этого понятия и поставить под сомнение обстоятельства прибытия Рюрика неизвестно откуда в земли славян и финнов. Однако в ПВЛ встречаются оба варианта: как «из заморья» [ПВЛ 1950: 18, 54] (в данном случае это скорее термин, характеризующий «заморских» варягов, подчеркивающий их «неавтохтонность»), так и «за море» (когда указывается, куда, в каком направлении славяне и финны изгнали варягов). И вторично, когда речь идет о том, куда пошли послы славян и финнов, чтобы пригласить Рюрика, указывается, что они пошли не в «заморье», а «за море». Точно также «за море» и позже каждый раз посылают за варягами русские князья, а иногда и сами бегут «за море». При этом варяги, пришедшие «из-за моря», например, варяги Якуна, явно норманны, пришедшие из Скандинавии. То есть термин «за море» имеет точную географическую привязку [ПВЛ 1950: 18, 33, 54, 89, 97, 100] – территорию современных скандинавских стран. Таким образом, в ПВЛ много раз указывается вполне конкретное направление, в котором ушли изгнанные варяги и куда пошли послы пригласить Рюрика со «всей русью» на княжение и куда позже отправлялись послы Руси звать варягов на помощь. И Рюрик тогда оказывается не Рюриком «из заморья», а Рюриком «из-за моря».

К тому же слово «заморье» в ПВЛ тоже не выходило за географические рамки «из-за моря». М.А. Несин указал, что в новгородском летописании есть случаи прямого упоминания заморья как обозначения южной Балтики – под 1391 г. к «заморью» отнесен немецкий г. Любек, под 1444 – «Григорий» / Герард Клевский из г. Клеве (Германия). Кроме того, исследователь назвал еще два случая косвенного упоминания «заморья» как южнобалтийских земель: в 1231 г. немцы из «заморья» спасают новгородцев от голода, привезя муку и жито, в XV в. немцы из «заморья» строили владычную палату в новгородском Детинце. Северобалтийский новгородский

торговый партнер – Готский берег – не отличался плодородием и не мог претендовать на роль спасителя умирающего от голода Новгорода, а архитектура новгородской владычной палаты имеет аналоги в ганзейских городах. Но в ПВЛ такого значения слова «заморье» не замечено¹. Тогда весьма далеко идущие выводы о неопределенности места, откуда пришел Рюрик, о том, что имеет место «нерасчлененность во времени (в смысле принадлежности к определенному поколению) образа нашего героя», что «в том мире, откуда он пришел с родом своим, не осталось связанных с ним узами родства» (с. 100-101) повисают в воздухе. Лушин дает ссылку на Е.В. Пчелова, справедливо обращающего внимание на некоторую неясность обстоятельств появления Рюрика (с. 101, прим. 5). Однако заметим, что у Пчелова тем не менее речь идет о прибытии Рюрика «из-за моря». Меня могут спросить, почему я так много внимания уделил данному вроде бы мелкому вопросу. Потому что привязка Рюрика к неопределенному «заморью» позволяет превратить его из персонажа легендарного в персонажа фактически мифического. Далее вслед за Пчеловым [Пчелов 2013: 418-420], правда, без ссылки на него, у Лушина следует утверждение, что отсутствие указаний на обстоятельства смерти Рюрика, на его погребение и могилу «доказывает отсутствие такого персонажа в долетописных сказаниях о первых князьях, в которых находилось место другим выходцам из «заморья» – Олегу, Аскольду и Диру» (с. 101). Действительно, для этих персонажей есть указание на их могилы. Но откуда следует вывод, что, если в ПВЛ нет сведений о могиле легендарного персонажа, то его не было в долетописных сказаниях? Действительно, в «Саге об Инглингах» почти для каждого легендарного конунга из династии Инглингов приводятся обстоятельства его смерти. Для скандинавов смерть героя часто была важнее других его деяний. Однако это еще не говорит о том, что, если обстоятельства смерти Рюрика не приведены в летописи, то о Рюрике не могли быть сложены сказание или песнь, не дошедшие до нас. Аргумент *ex silentio* в данном случае не может служить доказательством.

Сопоставление Рюрика с библейским Моисеем весьма спорное. И тут тоже важную роль в аргументации автора статьи играет «заморье», из которого якобы прибыл Рюрик. «Если *скрытые характеристики Моисея не плод нашего воображения*, а реально отражены в “биографии” Рюрика, то легенда о призвании варягов – авторский текст, а не народное предание» (с. 101). Скорее всего, это именно плод воображения автора, поскольку данная гипотеза покоится на весьма шатком основании и требует значительно более весомых доказательств, чем те, что привел автор. В своем предположении, что летописец мог работать как литератор и вводить «авторский текст», Лушин следует за А.А. Шахматовым и М.Д. Приселковым, считавшими летописца способным на свободное литературное творчество. Это допущение А.А. Шахматова критиковалось неоднократно историками, в том числе С.А. Бугославским, И.П. Ереминым, Н.И. Данилевским, утверждавшими, что монах-летописец не был литератором в нашем понимании этого термина. Автор считает, что «ясный и недвусмысленный исторический портрет летописного Рюрика (даже без учёта гипотетических параллелей с Моисеем), казалось бы, должен со всей очевидностью указывать исследователям “Повести” на невозможность отождествления родоначальника нашей правящей династии с одним из его североевропейских тезок» (с. 102). Хочется спросить, почему?

Только потому, что при отсутствии письменности у восточных славян и финнов не сохранились конкретные детали правления Рюрика, наиболее отдаленного от

¹ М.А. Несин не исключает, что география «заморья» могла расширяться при установлении Новгородской республикой прочных связей с городами будущей Ганзы.

Рецензия на статью: Лушин В.Г. Легенда о призвании варягов и её главный герой // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Книга I. – Зимовники, 2017. С. 100-120.

времени составления летописи? Действительно, Рюрик в ПВЛ – легендарный персонаж, о котором нам почти ничего не известно. Но из легендарного характера данного персонажа на Востоке отнюдь не следует, что он не может быть известен как вполне историческое лицо на Западе, где существовала письменность и велись анналы.

Но есть и другой похожий персонаж – Роллон, или Хрольв-Пешеход, о котором мы знаем столь же мало, как и о Рюрике. О Роллоне среди историков идут такие же споры, как и о Рюрике [Якуб 2005; Панкратова 2012]. Тем не менее благодаря упоминанию в нескольких документах мы знаем, что он все же был историческим лицом, основателем династии нормандских правителей. С ним у Рюрика ПВЛ гораздо больше сходства в смысле отсутствия информации о нем, чем с библейским Моисеем.

Рассматривая гипотезу тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского (Ютландского) Лушин обращается к аргументам «здравого смысла»:

Вопрос о том, нужен ли был именно такой кандидат словенам, кривичам да чуди с весью, и променял бы он возможность бороться пусть и за сравнительно небольшое владение где-нибудь в Дании или Фрисландии, т.е. на границах империи, на места обитания перечисленных племен, почему-то не задается. Вероятно, из-за однозначно предполагаемого положительного ответа на него: непременно бы с радостью согласился, ведь «земля наша велика и обильна» (с. 103).

Но рассуждения на основе «здравого смысла» в исторической науке часто приводят к ложным выводам. Причинам переноса активности Рёрика на Восток есть ряд объяснений как психологического, так и социального плана. Заиливание Рейна привело к перемещению торговых путей и упадку Дорестада – жемчужины владений Рёрика. Безуспешные попытки вернуть трон Дании, делали временное пребывание норманнов на территории Фризии бесцельным.

Пока у Рёрика оставались надежды вернуть трон Дании, он еще мог терпеть ненависть христиан-франков к язычникам-данам и к «желчи христианства», как назвал Рёрика франкский хронист. Тем более что эта ненависть сдерживалась многочисленностью норманнов и их превосходством в военном деле. Но после потери Рёриком владений между морем и рекой Эйдер с важным торговым центром Хедебю надежд вернуть трон не оставалось, и Фризия как база для борьбы за трон Дании теряла для вождя норманнов всякое значение. Ведь и первое пожалование Рустрингии Харальду Клаку в 826 г., сразу после крещения, имело целью создать для него убежище и базу именно в борьбе за датский трон.

Конечно, для Рёрика, знаменитого вождя данов, принадлежавшего к королевскому роду Скъёльдунгов, отсидевшему в тюрьме франков по ложному обвинению в измене, ситуация, когда он раздавал «овому Полтеск, овому Ростов, овому Белоозеро», была предпочтительней, чем ленные обязанности по отношению к императору франков. А правильность его решения увести «всю русь», состоявшую из «фризских данов» (термин введен С. Льюисом) и примкнувших к ним фризов, подтверждается предательским убийством родича Рёрика Готфрида и избиением оставшихся норманнов в Бетуве в 885 г.

С тех пор никаких сообщений о норманнах во Фризии нет, и можно уверенно сказать, что к Рёрику как нельзя лучше подходит сообщение ПВЛ о том, что он привел с собой «всю русь». Вспомним, что русью, *ruotsi*, финны называли любые дружины норманнов. Так, русью для них были свеоны, которые в 839 г. посетили Ингельгейм, и русью же для них были «фризские даны» Рёрика / Рюрика.

Лушин считает, что «предполагать, что население бассейна Волхова в тонкостях

разбиралось в том, чем дружина Рюрика (Рёрика Ютландского) отличалась от “коллег”, служивших, скажем, Эйрику Анундсону, вряд ли возможно» (с. 103). Это если не принимать во внимание гипотезу северной локализации так называемого «Русского каганата» (очень неудачный термин), послы которого в 839 г. побывали в Константинополе и в империи франков и, судя по всему, в Дании. А поскольку, согласно гипотезе Шепарда, отследившего обратный путь посольства по находкам редчайших монет императора Феофила [Shepard 1995], они вернулись на север в Рюриково Городище через всю Скандинавию, то известия о Дании и о том, чем свеоны отличаются от данов, вполне могли достичь населения Поволховья. Так же, как даны могли получить от послов народа *Rhos* сведения о землях восточных славян и финнов.

Утверждение, что для летописца все варяги были на одно лицо (с. 103), мягко говоря, не выдерживает критики. Летописец неоднократно различает и перечисляет различные народы варяжского происхождения. Он это делает не только в «географическом экскурсе», но и в Сказании о призвании, подчеркивая, что русь – варяжский народ, но отличая ее от других скандинавских племен и народов. А для этого нужно было иметь хотя бы самые минимальные сведения о том, чем они отличаются.

Если скандинавы появились на Северо-Западе в Ладоге в 753 г., как установлено по дендродатам, а возможно, проникали в эти земли гораздо раньше, как указывает Е.А. Мельникова, то у окрестных славян и финнов было более ста лет на то, чтобы узнать, кто такие норманны-*ruotsi*, собирающие с них дань. Автор статьи предполагает, что «вряд ли за 200 лет до него [летописца] познания кривичей или веси в скандинавской истории и этнографии были намного обширнее» (с. 103). Но славянам и финнам не нужны были познания в области «скандинавской истории и этнографии», чтобы узнать, кто с них в течение сотни лет собирает дань, и волей-неволей поближе познакомиться с этими конкретными варягами. Поэтому сарказм автора здесь бьет мимо цели.

Далее автор, который только что нам говорил, что для летописца все варяги были на одно лицо, цитирует то место из Сказания о призвании, где летописец перечисляет различные скандинавские народы, и тем самым противоречит ранее сказанному им же (с. 104). То, что в перечне скандинавских народов в ПВЛ отсутствуют даны, которых ряд историков отождествляет с русами Рюрика (кстати, также в ПВЛ не упоминаются из прибрежных народов еще и фризы), по мнению Лушина, объясняется особенностями «введения, вернее, текста послужившего ему источником» (с. 104).

Он обращает внимание, что в тексте географического введения не перечислен целый ряд народов и племен, таких, как ясы и касоги, известные летописцу и упоминаемые им позже в связи с походами Святослава, не упомянуты печенеги и половцы. Во-первых, еще Н.П. Барсов предполагал, что в географических описаниях ПВЛ упомянуты народы, в основном жившие по морским побережьям, те, которые были известны скандинавам-мореходам [Барсов 1885]. Кочевники к таким народам не относятся. А даны и фризы – это народы, сидящие на морском побережье. И во-вторых, перечисление скандинавских народов, к которым относится особый скандинавский народ или крупная группа норманнов под названием «русь», приведено для времени призвания варягов (вторая половина IX в.), а степняки упомянуты в летописи хронологически тогда, когда они стали известны русам: во времена Игоря, Святослава и позже. Поэтому данный аргумент Лушина не работает.

Лушин справедливо отмечает, что «перечни варяжских народов в легенде и в этногеографическом введении совпадают». Но затем делает ничем не подтвержденное предположение, что «первый из них наверняка создавался “с оглядкой” на второй, смоделированный по летописному источнику (какому? – О. Г.), где не упоминались

Рецензия на статью: Лушин В.Г. Легенда о призвании варягов и её главный герой // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Книга I. – Зимовники, 2017. С. 100-120.

даны (датчане), при том, что *русь* могла быть внесена во введение самим летописцем, как и ряд балтских и финских этнических образований (меря, мурома, весь, пермь, печера, корсь и другие)» (с. 104).

Далее Лушин делает за своих оппонентов утверждение, что они «важнейшей составляющей своих построений считают частично совпадающие хронологические данные жизни и деяний этих персонажей». На самом деле сторонники гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского отмечают хронологические лакуны, дополняющие друг друга в известиях русских летописей о Рюрике и в анналах франков, сообщающих о Рёрике. Но в связи с сомнительностью хронологии ПВЛ, которую признают практически все историки, эти данные не являются «важнейшей составляющей», скорее они являются дополнением к другим аргументам, а более важным является совпадение времени жизни и смерти обоих персонажей. Более того, последние археологические находки богатых кладов куфических монет на территории владений Рёрика во Фризии, указывают на связи, торговые или иные, «фризских данов» Рёрика с Востоком [Горский 2013].

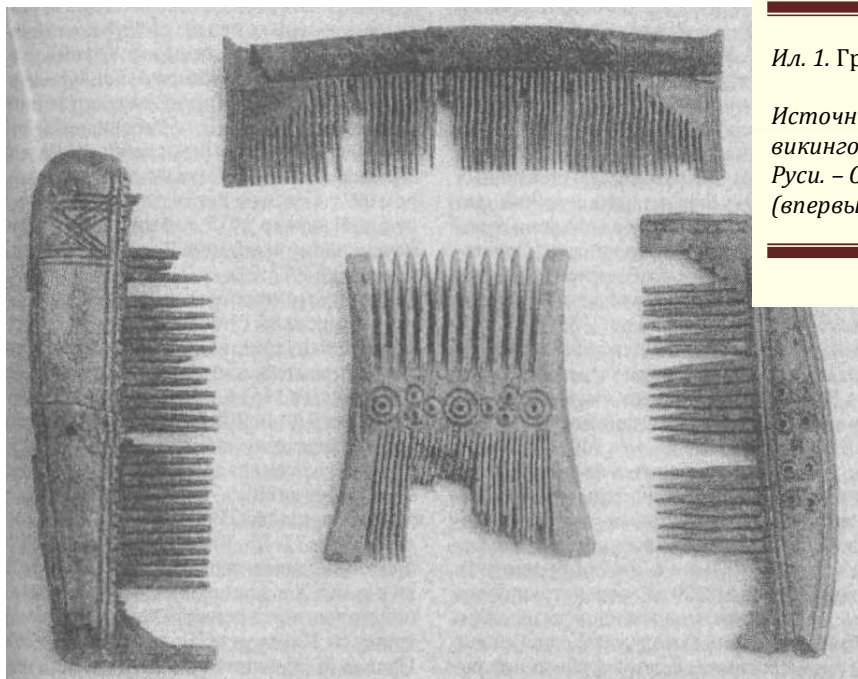
Лушин считает, что «летописцу, похоже, нечего было сказать об этом княжении. В итоге получился портрет князя-пацифиста: Рюрик – единственный из русских раннесредневековых правителей, который вовсе не ведет войн». Действительно, в списках ранних редакций ПВЛ нет указаний на ведение войн Рюриком. Но если предположить тождество Рюрика с Рёриком Ютландским, то это обстоятельство может объясняется тем, что в своих новых владениях Рюрику было важнее упрочить свое положение среди разноэтничного населения, установить среди него государственный порядок. Поэтому к правлению Олега оно уже было достаточно консолидированным, чтобы идти в дальние серьезные походы на Киев и на Царьград.

В более поздних летописях, например, в Воскресенской, указано, что Рюрик «начаша воевати всюду». Скорее всего, эта поздняя вставка является просто домыслом летописца, поскольку средневековые летописцы предпочитали описывать войны, а не мирную государственную работу. Но нельзя исключить, пусть и маловероятную, возможность, что летописец воспользовался каким-то недошедшим до нас источником, чтобы добавить существенную деталь к характеристике легендарного князя Руси. В Никоновской летописи присутствуют сообщения, несколько оживляющие повествование о Рюрике, отсутствующие в более ранних списках ПВЛ. Среди историков нет единого мнения о том, можно ли учитывать эти спорные сообщения поздних летописей в истории Начальной Руси.

Лушин упоминает возвращение на некоторое время Рёриком родового владения Хедebu на территории между морем и рекой Эйдер. Он считает, вслед за Ямановым [Яманов 2002: 130-131], что это было Северное море, однако есть мнение, что это могло быть Балтийское море [Касиковы 1990], а тогда Рёрику открывался путь на Восток и он мог получать информацию о ситуации в землях восточных славян и финнов.

Говоря о датах появления Рёрика на Западе и Рюрика на Востоке, Лушин справедливо не хочет исключать «возможность (по крайней мере, теоретическую) такого, назовем его челночным, управления далеко удаленными землями». Ведь Г. Ловмянский, на критическую статью которого Лушин часто ссылается, указывал, что «этот автор [Н.Т. Беляев] правильно, как видно, оценил, что отождествление Рюрика с Рориком Фрисландским сомнительно не столько ввиду географической отдаленности Фрисландии от России, так как норманны умели преодолевать значительные расстояния, сколько ввиду отсутствия четких данных о русско-датских и русско-

фрисландских отношениях» [Ловмянский 1963: 224]. Данные о скорости хода реплик судов норманнов показывают, что при обычной скорости хода в 5-6 узлов при благоприятных условиях под парусом корабли норманнов могли достигать скорости хода в 13 узлов, что соответствует скорости хода современного дизельного судна. Адам Бременский писал, что сухопутная дорога от Гамбурга и Эльбы до Юмнеты (Волина) занимала 7 дней, морская дорога от Шлезвига до Новгорода – 14 дней. П.Е. Сорокин отмечает, что плавание по маршруту Бирка – Рюриково городище в зависимости от погоды, типа судна и режима движения занимало две-четыре недели [Сорокин 1996]. Из сообщения Вульфстана (последние десятилетия IX в.) мы знаем, что плавание от Хедебю до Трусо (в 4 км от Эльблонга) занимало 7 дней. Расстояние между этими пунктами составляет около 900 км. Кроме того, мы знаем, что Рёрик в течение некоторого времени одновременно управлял такими удаленными друг от друга владениями, как Дорестада и Хедебю. В то время, когда Г. Ловмянский писал свою статью, этих «четких данных» не было, но теперь они есть. Мы знаем о наличии камерных захоронений в урочище Плакун, связываемых с Ютландией [Михайлов 1996]. Причем дендродаты указывают на то, что камерные погребения Плакуна оказываются более ранними, чем аналогичные погребения в Дании [Френкель 2008: 233], что можно объяснить, только если такой погребальный обычай был непосредственно принесен русами Рюрика из Фризии, с земель империи франков, а не из Дании. В Ладоге найдены гребни фризской работы, причем с заготовками, что указывает на присутствие там фризских ремесленников [Давидан 1999]. Находки ритуальных сосудов типа Татинг указывают на связи Ладоги с Хедебю и Дорестадом [Кулькова, Плохов 2008: 266], в разное время входившими в состав владений Рёрика. Наличие богатых кладов куфического серебра выделяют Фризию среди других земель империи франков [Горский 2013]. В договорах руси с греками используется магическая формула, засвидетельствованная не только в скандинавских, но и во фризских юридических документах [Губарев 2017].

Ил. 1. Гребни из Старой Ладоги.

Источник: Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. – СПб.: Евразия, 2005 (впервые 1985). Ил. 149.

Рецензия на статью: Лушин В.Г. Легенда о призвании варягов и её главный герой // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Книга I. – Зимовники, 2017. С. 100-120.

Поэтому можно с уверенностью сказать, что «фризские даны» Рёрика могли знать о восточных землях, так же, как славяне и финны Северо-Запада могли знать о Фризии. Так что скепсис Ловмянского оказывается неоправданным. Кроме того его неприятие тождества Рёрика и Рюрика дезавуируется откровенным признанием в ангажированности. То есть признать тождественность двух исторических фигур он не мог ни в коем случае, потому что «в случае правильности этой концепции Рюрик, упоминаемый летописями, превратился бы в конкретную историческую личность, а тылы норманской экспансии на Русь оказались бы в определенной мере расширенными и усиленными» [Ловмянский 1963: 227-228]. А этого во времена господства официального антинорманизма в СССР и в «странах народной демократии» Ловмянский просто допустить не мог.

Лушин с иронией пишет о том, что многие историки принимают часть дат ПВЛ, особенно касающихся изгнания варягов и призвания Рюрика, потому что эти даты им «удобны» для признания тождества двух исторических фигур. Но тут же сам признает, со ссылкой на работу В.А. Булкина и Д.А. Мачинского, что принятие этих дат историками опирается на подтверждение датировок археологией. Возражая против подтверждения некоторых датировок ПВЛ археологией Ладоги, Лушин смог сослаться только на мнение антинорманиста П.П. Толочко, причем мнение бездоказательное. Возражение Лушина основано на том, что кроме пожара, связываемого с событиями 859 и 862 гг., в Ладоге были отмечены позже и другие пожары. Как будто это может отменить или поставить под сомнение подтверждение дат ПВЛ датировкой следов пожара в горизонте E2.

Автор статьи, перечисляя события, не упомянутые в летописи, делает вывод об ограниченности сведений летописца об истории IX-X вв. (с. 109). Но *argumentum ex silentio* в данном случае мало о чем говорит. То, что летописец не включил в свой труд описание тех или иных событий, может объясняться самыми разными соображениями и причинами и вовсе не означает, что летописец не располагал данными об этих событиях или не знал о них. И делается поспешный вывод о том, что знания летописца «не дают каких-либо оснований для предположения о том, что описание эпохи “призвания” руси и Рюрика хоть как-то соотносится с реальными событиями» (с. 109).

Скорее, наоборот, впечатляет то количество разнообразных документов, вплоть до копий договоров руси с греками и византийских хроник, находившихся в распоряжении древнерусского летописца и тот кругозор, что позволили ему не только достаточно точно описать историю Руси IX-X вв., но и дать в целом верную общую картину средневекового мира, представленную в географическом введении. Мнения о невозможности использовать древнерусские летописи для воссоздания ранней истории Руси достаточно жестко критиковали в свое время В.В. Мавродин, Б.Д. Греков и другие известные историки. Вообще создается впечатление, что автор статьи несколько увлекается умозрительными предположениями для подтверждения своего неприятия гипотезы о тождестве Рёрика и Рюрика.

Пожалуй, одним из важных аргументов Лушина является его мнение об отсутствии на Северо-Западе Руси «престола», который мог бы занять призванный Рюрик. Лушин подчеркивает, что на Северо-Западе отмечено присутствие скандинавов, но «никак не черты некоего протогосударственного образования (= престола), возглавить которое суждено было призванному Рюрику» (с. 114).

Трудно сказать, почему автор игнорирует сообщение Бертинских анналов от 839 г. о посольстве Руси в Константинополь и в империю франков вместе с византийским посольством. Гипотеза Дж. Шепарда о возвращении посольства в Рюриково городище

по следам находок редчайших монет императора Феофила-иконоборца [Shepard 1995] говорит о том, что какая-то княжеская резиденция или центр этой эфемерной Начальной Руси (получившей неудачное наименование «Русский Каганат») в то время существовали. То есть тот самый «престол», о котором говорит Лушин, имелся. Кроме того, наличие дипломатии и практика посылки посольств для установления отношений – уже один из признаков протогосударственности. Правда до сих пор идут споры о северной или южной локализации этого «Русского каганата», но наличие этого, пусть эфемерного, протогосударственного объединения отрицать невозможно.

Скандинавская гипотеза происхождения Руси объясняет многое, но при этом не может объяснить ряд противоречий, в основном связанных с упоминанием в источниках Руси, как на Востоке, так и на Западе. Приходится поневоле или объяснять эти часто встречающиеся в совершенно разных источниках (например, у византийцев или мусульманских географов и путешественников) либо путаницей в представлениях о Руси, либо поздними вставками, либо просто игнорировать их.

Лушин, к сожалению, в связи с поздним сроком публикации моих статей не мог успеть с ними ознакомиться, чтобы рассмотреть вопрос об этих противоречиях, встречающихся в источниках и необъяснимых без привлечения гипотезы о тождестве Рёрика Фрисландского и Рюрика. Они перечислены в моих статьях, посвященных вопросу тождества этих исторических фигур [Губарев 2016а, 2016б].

Таким образом, выводы интересной и, несомненно, заслуживающей внимания статьи В.Г. Лушина оказываются далеко не бесспорными, а часто и противоречащими историческим данным.

Губарев О.Л.,
г. Санкт-Петербург,
независимый исследователь
lvovichg@rambler.ru

Литература

Shepard 1995 – Shepard J. ‘The Rhos Guests of Louis the Pious: Whence and Wherefore?’, *Early Medieval Europe*. 1995. No. 4. Pp. 41-60.

Барсов 1885 – Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии: география начальной (Несторовой) летописи. 2-е изд., испр. и доп. алф. указ. – Варшава, 1885.

Горский 2013 – Горский А.А. «Клады викингов» на франкской земле и начальная история Руси // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2013. №3(53). С. 38-39.

Губарев 2016а – Губарев О.Л. «Пояша по себе всю русь»: что подразумевала эта фраза? // *Valla*. 2016. Т. 2. №3. С. 21-39.

Губарев 2016б – Губарев О.Л. К вопросу об идентичности Рюрика и Рорика Фрисландского // *Valla*. 2016. Т. 2. № 4-5. С. 9-25.

Губарев 2017 – Губарев О.Л. «Дондеже солнце съяет и весь миръ стоять» (магическая формула в договоре Руси с греками 945 г.) // *Valla*. 2017. Т. 3. № 3. С. 16-22.

Давидан 1999 – Давидан О.И. Новые находки гребней в Старой Ладогe // *Российская археология*. 1999. № 1. С. 167-174.

Касиковы 1990 – Касиковы Х. и А. Еще раз о Рюрике Новгородском и Рорике Датчанине // *Скандинавский сборник*. XXXIII. – Таллин, 1990. С. 98-109.

Кулькова, Плохов 2008 – Кулькова М.А., Плохов А.В. Особенности изготовления фризской керамики из раскопок Старой Ладогe по данным петрографического и минералого-геохимического анализов (RMS DPI 2008-2-85-0) // *Федоровская сессия*.

Рецензия на статью: Лушин В.Г. Легенда о призвании варягов и её главный герой // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Книга I. – Зимовники, 2017. С. 100-120.

Секция: Прикладная минералогия. 2008. С. 266-268.

Ловмянский 1963 – Ловмянский Г. Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский // Скандинавский сборник. Вып. 7. – Таллин, 1963. С. 221-250.

Лушин 2016 – Лушин В.Г. Рюрик // Древняя Русь в IX-XI веках: контексты летописных текстов / Отв. ред. Е.П. Токарева. – Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2016. С. 11-31.

Михайлов 1996 – Михайлов К.А. Южноскандинавские черты в погребальном обряде Плакунского могильника // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 10. Великий Новгород, 1996. С. 52-60.

Панкратова 2012 – Панкратова М.В. Роллон Нормандский: между историей и мифом (историографический обзор). Доклад на XVII чтениях памяти Анны Мачинской. 2012. [<http://ulfdalir.ru/literature/0/2421>] – Доступ на 24.04.2018.

ПВЛ 1950 – Повесть временных лет / Подгот. текста Д.С. Лихачева; пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; Под ред. чл.-кор. АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. Ч. 1-2. 1-е изд. Ч. 1. Текст и перевод. – М. – Л.: АН СССР, 1950.

Пчелов 2013 – Пчелов Е.В. Происхождение древнерусских князей от Рюрика: устная традиция или летописная конструкция? // Древнейшие государства Восточной Европы. Устная традиция в письменном тексте. 2011. / Отв. ред. Г.В. Глазырина. – М., 2013. С. 418-433.

Сорокин 1996 – Сорокин П.Е. Экспериментальное судостроение и проблемы изучения средневекового судоходства на северо-западе Руси // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 10. – Великий Новгород, 1996. С. 200-207.

Фомин 1995 – Фомин В.В. «Варяжское заморье» русских летописей (X-XVII вв.) // Дискуссионные вопросы российской истории. – Арзамас, 1995. С. 21-27.

Фомин 2003 – Фомин В.В. «За море», «за рубеж», «заграница» русских источников // Сб. РИО. Т. 8(156). 2003. С. 148-168.

Френкель 2008 – Френкель Я.В. Скандинавский могильник Плакун: время первых погребений и проблема сопоставимости хронологических шкал // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 53. – Псков, 2008. С. 228-252.

Якуб 2005 – Якуб А.В. «Историческая родина» как базис формирования авторитета политического лидера в раннефеодальную эпоху: Роллон, первый «герцог» Нормандии // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. VII. Вып. 4(28). С. 293-303.

Яманов 2002 – Яманов В.Е. Рорик Ютландский и летописный Рюрик // Вопросы истории. 2002. №4. С. 127-137.

